

Н.К. Бонецкая
Свидетельство Серебряного века

*Предисловие к книге Аси Тургеневой
 "Воспоминания о Рудольфе Штейнере
 и строительстве первого Гётеанума"*

Среди многочисленных русских мемуаров, рожденных эпохой Серебряного века и публикующихся в России на протяжении последних лет, книга воспоминаний Аси Тургеневой займет достойное место. На первый взгляд перед нами серия безыскусных очерков, написанных свидетелем великих исторических событий, - и не только Первой мировой войны, но и событий в области духа, к каковым, без сомнения, следует отнести "встречу" русского символизма с антропософией Рудольфа Штейнера. Автор книги, словно простодушный рассказчик в романах Достоевского, повествует о столкновении юных "русских европейцев" - художницы Аси Тургеневой и ее мужа поэта Андрея Белого - с членами западных эзотерических лож; описывает их знакомство с Рудольфом Штейнером и общение с ним в качестве его учеников; представляет взору читателя вид холма в Дорнахе, где шла постройка таинственного "Иоаннова Здания", Гётеанума... Но при всей непритязательности композиции книги, "Воспоминания" А. Тургеневой каким-то удивительным образом достигают полноты и духовной глубины. Не преувеличивая, можно сказать, что А. Тургеневой удалось создать целостный, полный образ своей эпохи. Знарок тогдашней культуры найдет в книге драгоценные детали, представляющие некие важнейшие реалии того времени в совершенно новом свете: таковы, например, переданные автором высказывания Р. Штейнера о феномене Распутина или воспроизведенная ею по памяти беседа в гостях у Штейнера о Льве Толстом. А неискушенный читатель получит доскональное представление об интереснейшем "диалоге", происходившем в 1910 - 1920-х годах между цветом русской интеллигенции и антропософией; кульминацией этого "диалога" стало участие деятелей русской культуры в строительстве Гётеанума, который некоторыми из них, - и в частности, Андреем Белым, - воспринимался как храм...

Современные исследователи только начинают разрабатывать проблемы духовной близости антропософии к культуре русского Серебряного века, эта близость воочию явила себя, прежде всего, в личности и творчестве Андрея Белого, соединившего в себе символиста и антропософа. Но можно также распознать эту близость, взглядевшись в то, что составляет ядро символистской культуры - в русскую религиозную мысль. От метафизических абстракций и послекантовской позитивности - к духовной конкретности, реальности: именно так можно было бы обозначить пафос русской философии; вектор этот, очевидно, направлен в том же направлении, куда была устремлена антропософия. Продолжая "критику отвлеченных начал", предпринятую их предшественником Владимиром Соловьевым, русские мыслители фактически ставили вопрос о возможное™ познания реалий духовного мира. Так выглядела гносеологическая проблема для Павла Флоренского, разрабатывавшего "конкретную метафизику" - разновидность гётеангства; к восхождению "от реального к реальному" призывала символистская эстетика Вяч. Иванова, также бывшая своеобразной теорией познания; к поискам путей изучения невидимого плана бытия призывал со своей позиции экзистенциалиста Н. Бердяев, обеспокоенный невиданным вторжением в человеческую жизнь сил зла... При всех этих устремлениях русские мыслители, как правило, особых визионерских дарований не имели, и их концепции, несмотря на всю их философскую остроту, оставались всё же умозрительными призывами. И неудивительно, что феномен Штейнера, нашедшего как будто путь к познанию высших миров, вызывал величайший интерес в русских элитарных кругах.

А. Тургенева рассказывает в своих воспоминаниях, какой в действительности оказалась встреча со Штейнером и антропософией конкретных мыслителей: Н. Бердяева, Вяч. Иванова, Д. Мережковского и З. Гиппиус, затем Эллиса и, разумеется, Андрея Белого. Ее лаконичные сообщения, дополненные такими ценнейшими документами, как два письма Бердяева Л. Белому, дают читателю богатый материал для размышлений. Почему, в самом деле, встреча русских мыслителей и поэтов с антропософией не стала безоблачным, безпроблемным событием? Почему, если символисты и Штейнер говорили фактически об одном, Штейнер отверг общение с Ивановым, - к чему так стремился глава русских символистов, - и, напротив, от Штейнера - почти со скандалом, обуреваемый страстями - отошел Эллис, самый, казалось бы, его горячий приверженец? В чем существо трагедии Белого, разразившейся именно на почве жизненного общения со Штейнером? Не было ли, при всем видимом сходстве, глубокой разницы между русскими духовными исканиями на рубеже XIX-XX вв. и антропософией?.. Над этими и другими, еще более острыми вопросами предстоит размышлять нашим современникам.

Однако о соприкосновении в начале XX века двух духовных культур - русской и немецкой - это рассуждаем мы, с нашей исторической и экзистенциальной дистанции: тогдашние мыслители, поэты, художники были живыми людьми, и ими двигали вполне личные стремления и интересы, о которых прекрасно рассказано А. Тургеневой. Что же влекло этих русских людей к немцу Рудольфу Штейнеру? - Самое глубокое и сокровенное: жажда обрести Христа, от которой неотделимо стремление каждого из них прийти к себе самому, под всеми социальными и условными оболочками найти-таки свое подлинное "я". Надо сказать, что пути тогдашних духовных исканий расходились, духовное возрождение XX века не было чем-то однородным. Ряд представителей русского Ренессанса искали Бога на путях исторического христианства: при всех "но", скажем, П. Флоренского и в особенности С. Булгакова (по-видимому, и Е. Трубецкого) можно считать православными мыслителями. Однако невзирая на все усилия, ни Белому, ни Бердяеву не удалось "пустить корней" в православной Церкви. При этом Бердяев всё же не стал доверяться и Штейнеру, держась за свою достаточно виртуальную "церковность", - тогда как Белый уже в своих воспоминаниях, позабыв все свои обиды и отвлекшись от подлинной личной драмы, определенно свидетельствует: да, именно немец доктор Штейнер, "родной мудрец", впервые открыл ему, Борису Бугаеву, Христа, - осуществил то, что не удалось ни одному священнику на родине, ни одному русскому "старцу". "И я понял впервые себя; и я понял впервые Иисуса"(1), - свидетельствует Белый. Думается, под этими словами подписалась бы и Ася Тургенева, и здесь тайна человеческих судеб. Эллис (вместе с И.Польман-Мой) ушел от Штейнера в католичество; впоследствии сходным путем следовал В. Томберг. Белый же совершенно реально, всем своим существом ощущал: "Его (Р. Штейнера. - А.С.) слова о Христе были (...) самим Христом в нем"; "пурпурный жар исходил от его слов, пронизанных Христом"(2). Поистине религиозно, в ключе тогдашних русских исканий, переживал Белый феномен Штейнера, когда уже в 1928г. вспоминал его лейпцигские лекции о Христе: "Свершилось: в Лейпциге опустилась аура любви; и Силы Жизни присутствовали: "Ныне Силы небесные с нами невидимо". (...) Лейпциг стал храмом мистерий" ...

Таковыми были устремления русских "мистиков", приводившие их к антропософии; такой была эпоха исканий - обновления религиозного сознания, на фоне которой читается книга Аси Тургеневой. И что же сама автор ее, что нам сказать о ней? Ася Тургенева... Неслучайно троюродная внучка И. С. Тургенева Анна Алексеевна захотела именоваться Асей: так возникает аллюзия на одну из тургеневских героинь, - вообще на тип тургеневских девушек. С ними Асю Тургеневу роднят душевная чистота и возвышенность внутреннего строя, способность к самоотверженной любви. Фотографии 1910-х годов донесли до нас одухотворенный облик юной женщины. Особенно выразительным кажется нам снимок Аси, сидящей в Гётеануме: сложенные на коленях руки, как бы бессильно поникшие плечи - поза совершенного смирения в сочетании со взглядом, полным

обреченности, почти трагическим... Антропософская монахиня - вот странное на первый взгляд словосочетание, тем не менее точно, по-нашему мнению, характеризующее феномен Аси Тургеневой. Отказавшись от личного счастья, Ася полностью отдалась антропософии - делу Штейнера, которое он и вслед за ним его ученики понимали как закладывание основ новой культуры. Ася вносила туда свой вклад в качестве эвритмистки, резчика по дереву на архитравах Гётеанума, стекольного гравера... Была она и интересным художником со своей самобытной философски-художественной идеей: она хотела научиться изображать действительность, исходя, в духе натурфилософии Гёте, из двух фундаментальных начал - света и тени, бытия и небытия, - и достигла здесь неплохих результатов.

Аскетизм, фундаментальная Асина черта, определил и стиль ее воспоминаний. Буквально о тех же самых событиях, о которых пишет Ася, писали и другие, - и здесь помимо многочисленных мемуаров Белого(3) надо упомянуть книгу "Зеленая змея" Маргариты Волошиной. Исследователям предстоит сравнить все эти эпохальные свидетельства, мы же здесь лишь отметим, что книгу Тургеневой от сочинений близких ей людей отличает лапидарность, точность и краткость, доходящая до сухости, - и это в сочетании с самоумалением и стремлением к предельной объективности. Ася-автор хочет максимально стусеваться, как бы не считая свой внутренний мир достойным предметом читательского внимания. При этом за скупым, казалось бы, изложением фактов: читатель ощущает подлинную глубину, серьезность и постоянное усилие автора в работе над собой. Если стиль - это человек, то стиль "Воспоминаний" А. Тургеневой ипостасно представлен в упомянутой фотографии сидящей Аси. Современный читатель, как бы он ни относился к личности и делу Штейнера, несомненно, оценит литературный талант, духовную пронизательность и вообще - высокое достоинство автора настоящей книги. Русский Серебряный век явил в Асе Тургеневой некую свою весьма изящную и характерную грань. А ее "Воспоминания", прикоснувшись - пускай на первый взгляд, - и только на первый! - легко, мимолетно - ко всем "болевым точкам" проблемы "русский духовный Ренессанс и антропософия", - бесспорно, - один из шедевров мемуарной прозы, вызванной к жизни той эпохой.

Примечания

1. Андрей Белый, Воспоминания о Штейнере, Париж, 1982. С318. " Там же. С. 296, 302 соотв.

2. Там же. С309. "Ныне Силы небесные с нами невидима служат" - великопостный литургический текст.

3. Кроме уже упоминавшихся здесь "Воспоминаний о Штейнере", назовем еще дневники и заметки Белого, относящиеся к тому же периоду, составившие так называемый интимный- материал к его биографии, который опубликовал Дж. Мальмстад. См. выпуски 6, 8, 9 исторического альманаха "Минувшее" (М.,1992). См. также автобиографическую работу Белого "Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного и художественного развития", -В изд.: Андрей Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994. С.418-493-